

БАТОМУНКУЕВ С.Д.¹⁰

О ФЕНОМЕНЕ ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Аннотация. Для российского обществоведения понятие «гражданская религия» относительно новое. При этом оно достаточно актуально для разработки таких проблем, как проблема гражданской солидарности, этнокультурная и межконфессиональная толерантность и патриотизм. У этих проблем есть религиозный аспект, а в основе его понимания – идеи Дюркгейма и Зиммеля. В частности, для них понятие религиозного имеет универсальную социальную природу, т.е. социальное и религиозное неразличимы, в то время как конфессиональные религии с их практиками поклонения богам или духовным сущностям являются производными структурами.

Ключевые слова: религия, религиозное, социальное, гражданская религия, веротерпимость.

BATOMUNKUEV S.D.

THE PHENOMENON OF CIVIL RELIGION

Abstract. For the Russian social science, the concept of "civil religion" is relatively new. It is important for the development of such problems as a problem of civic solidarity, ethno-cultural and inter-religious tolerance and patriotism. These issues have a religious dimension, and the basis of his understanding of the ideas of Durkheim and Simmel. In particular their concept of the religious universal has a social nature, i.e. social and religious indistinguishable, while the denominational religions with their practices of worshipping gods or spiritual entities are derived structures.

Keywords: religion, religious, social, civil religion, religious tolerance.

Среди прочих явлений и формальных признаков постсекулярной ситуации в современной России понятие гражданской религии, несмотря на признание актуальности самого феномена, наименее изуче-

¹⁰ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук».

но. Об этом можно судить хотя бы по статье, посвященной ему в академическом издании – энциклопедическом словаре по религиоведению (2006 г.). Кроме того, об актуальности этого феномена пишет Легойда В.Р. в серии научных публикаций, посвященных анализу работ современного американского социолога Р. Беллы – разработчика понятия американской гражданской религии. В частности, Легойда отмечает, что исследования Р. Беллы инициировали на Западе аналогичные исследования на материале разных стран, и только в последние годы интерес к этой теме появился и в России.

Само же понятие гражданской религии впервые использовал Руссо в своем трактате «Об общественном договоре» (1762 г.). По словам американского философа М. Уолцера, содержащаяся в термине «гражданская религия», аналогия с религией «удачна настолько, что есть смысл ее развить» [Уолцер 2000, с. 91].

Свой анализ этого феномена мы начнем с оценки первого опыта его интерпретации Балагушкиным Е.Г. в упомянутой статье энциклопедического словаря. Назвать данную статью удачным опытом развития идей Руссо и Беллы невозможно. Это невозможно сделать прежде всего потому, что неверно и очень поверхностно истолковано понятие гражданской религии и, соответственно, актуальность этого феномена для современного российского государства. Если у Руссо и Беллы суть гражданской религии понимается только по аналогии с конфессиональными религиями, т.е. как квазирелигия, то Балагушкин понимает ее буквально, как новую религию. Причем делает он это иносказательно и ни в одном месте не пишет напрямую, например, что «гражданская религия – это такая религия, которая...». В ход идут такие эвфемизмы, как «общая социально-политическая идеология разнообразных религиозных объединений», «агрегат разных конфессий, единодушно выражающих общественные интересы и добродетели». Но то, что за этими эвфемизмами стоит именно понятие религии сомневаться не приходится. Так, говоря словами Беллы о едином измерении религиозной жизни и согласованной основе единства общества, он заявляет, что «этот аспект весьма актуален для современной России, поскольку в ней в основу новой государственной и воинской символики положен в определенной мере православный символизм» [Балагушкин 2006, с. 252-253]. Или «Гражданская религия не в состо-

янии доминировать в сознании российского общества из-за наличия в нем стойкой секулярной тенденции» [Там же]. То есть, в первом случае, по мнению автора, речь идет о гражданской религии потому, что на это указывает православный символизм, а во втором случае потому, что на это указывает секулярная тенденция как контрагент религии.

И как следствие такого расхождения в понимании самого феномена гражданской религии, есть и несогласие в понимании необходимости и актуальности разработки понятия о нем. А именно: исходя из неявного отождествления существа гражданской религии с существом конфессиональной религии, необходимость гражданской религии Балагушкин видит в оптимизации религиозной ситуации в стране, что означает культивирование и укрепление веротерпимости между людьми, их сплоченности и изживанию межконфессиональных трений. Иначе говоря, согласно автору статьи, актуальность разработки понятия гражданской религии ограничена проблемой межконфессиональных отношений.

Однако в рассуждениях Руссо отношения между христианством и гражданской религией более сложные, и акцент в понимании последней сделан на ином. «Эта религия (христианство. – С.Б.), не имея собственного отношения к Политическому организму, оставляет законам единственно ту силу, которую они черпают в самих себе, не прибавляя никакой другой; и от этого одна из главнейших связей общества остается неиспользованною. Более того, она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного. Я не знаю ничего более противного духу общественному» [Руссо, с. 252]. В этом фрагменте своих рассуждений Руссо проблематизирует отношение граждан к своему государству и его законам, а христианство рассматривает как препятствие в этом. Он констатирует то, что сила законов зиждется на уважении или страхе граждан, т.е. «силе, которую они (законы. – С.Б.) черпают в самих себе, не прибавляя никакой другой». В то время как их главная сила – в душах граждан. Иначе говоря, религиозное (душевное) отношение граждан к государству и его законам представляет собой искомый идеал. «Существует исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правила общежития, без которых невозможно быть ни добрым граж-

данином, ни верным подданным» [Там же, с. 254]. И в отстаивании этого идеала – гражданской религии – Руссо проявляет жесткость: «Кто смеет говорить: вне церкви нет спасения, тот должен быть изгнан из государства» [Там же, с. 255].

Немецкий философ, социолог, экономист Петер Козловски, подытоживая свои размышления о понятии гражданской религии Руссо пишет важное для нас: «Руссо не стремился создать новую религию, он ориентировался прежде всего на необходимость воспитать чувство общности ... стремился полностью задействовать интегративный потенциал религии, ее способность быть политически действенной, не признавая ее претензий на истину. Государство должно быть одновременно религиозно обусловленным и религиозно терпимым. Осуществление этих противоречивых требований возможно лишь при условии, если религиозные предписания станут нейтральными и превратятся в формальные условия моральности». [Козловски 1998, с. 153]. В приведенной цитате обращает внимание, с одной стороны, то, что ее автор констатирует противоречивость функциональности религии в достижении общественного идеала, социальной солидарности, а с другой, то, что его способ разрешения этого противоречия производит впечатление некоторой схоластичности, т.е. вместо действительного решения проблемы им предлагается его видимость. А решение коренится в понимании дихотомии *религиозного* и религии, как универсального и особенного, как социально-универсального и дифференцированного социального института. Обоснование социальной реальности этой дихотомии, а значит, и реальной возможности феномена гражданской религии содержится в трудах классиков западной социологии Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля.

Вот как эта дихотомия представлена Зиммелем: «Мы можем зафиксировать, что многообразные взаимоотношения людей содержат в себе элемент религиозного. Отношение почтительного дитяти к своим родителям, отношение энтузиаста-патриота к своему отечеству или энтузиаста-космополита ко всему человечеству; отношение рабочего к своему поднимающемуся классу или феодала к своему сословию; отношение подчиненного к своему господину и настоящего солдата к своей армии – все эти отношения ... могут иметь общий тон, который необходимо будет назвать религиозным. Всякая религиозность со-

держит своеобразную смесь бескорыстной самоотдачи и эвдемонистского вождения, смирения и возвышения, чувственной непосредственности и бесчувственной абстракции; тем самым возникает определенная степень напряжения чувства, специфическая интимность и прочность внутреннего отношения, встроенность субъекта в некий высший порядок, который он одновременно воспринимает как нечто глубоко интимное и личное. Этот религиозный момент содержится в названных выше и других взаимоотношениях, он сообщает им такой оттенок, который отличает их от отношений, основанных только на чистом эгоизме, внушении или внешних силах» [Руссо 1969, с. 212]. Здесь речь идет не просто о взаимоотношении социального и религиозного, а о редукции религиозного к социальному. Это можно подтвердить следующим суждением Зиммеля: «Если сущность проявленной идеи Бога состоит в том, что всё пестрое многообразие, все противоположности и различия бытия и воления, наши жизненные интересы находят в нем свой исток и свое единство, то мы можем спокойно поставить на его место социальную совокупность» [Там же, с. 223]. Другими словами, религиозное и социальное практически неразличимы, недифференцируемы, а религия, как особый институт по отношению к этому симбиозу социального и религиозного, является производной структурой.

У Дюркгейма эта интеграция социальности и религиозного, в которой невозможно раздельное, независимое друг от друга существование социальной группы или коллектива, с одной стороны, и религии, с другой, коренится в различении священного и мирского, светского. «Все известные религиозные верования содержат одну и ту же общую черту: они предполагают классификацию реальных и идеальных явлений на два класса, два противоположных рода, достаточно хорошо выражаемых словами: светское и священное. Разделение мира на две области, одна из которых включает в себя всё, что священно, другая – всё, что является светским, – такова отличительная черта религиозного мышления» [Дюркгейм 2000, с. 529]. В том, что сущность религии усматривается им не в поклонении богам или духовным сущностям, а в «представлениях, выражающих природу священных вещей и их отношения либо между собой, либо со светскими вещами», не трудно заметить отношение ребенка к своим родителям,

патриота к своему отечеству, подчиненного к своему господину и т.д., о которых писал Зиммель.

Следующим шагом в этом направлении и является гражданская религия. На примере исследования национализма его демонстрирует Э. Смит: «Государство стало воплощать единство нации, которая наделялась чертами истинной церкви. Она стала чистым, безгрешным и цельным сообществом, которому граждане должны поклоняться так же, как прежде общины верующих поклонялись богу. Иными словами, национализм поставил нацию на место бога, сообщество граждан на место церкви, а политическое царство на место царства божьего» [Смит 2004, с. 187]. Разумеется, практика национализма не единственный пример того, как религиозное в своей социальной универсальности выполняет интегративную функцию или функцию солидаризации общества. Ведь очевидно, насколько гражданская религия как одна из форм универсального религиозного актуальна для многонациональных и поликонфессиональных государств и в частности для России, ибо «она суть кредо самого государства и в качестве такового имеет решающее значение для его воспроизводства и долговременного сохранения им стабильности. Гражданская религия включает в себя полный набор политических доктрин, исторических повествований, знаковых фигур, памятных дат и мемориальных ритуалов, посредством которых государство запечатлевается в душах своих сограждан» [Уолцер 2000, с. 91].

После прочтения этого суждения Уолцера, в котором он буквально вторит Руссо (сравните «государство запечатлевается в душах своих сограждан» у Уолцера и «христианство не привязывает души граждан к Государству» у Руссо), становится очевидно, насколько точно и прозорливо Руссо в XVIII веке узрел и поставил проблему XXI века – проблему феномена гражданской религии.

Литература

Балагушкин Е.Г. Гражданская религия // Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М., 2006.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Религиоведение. Хрестоматия. – М., 2000.

Зиммель Г. Религиозный элемент в отношениях между людьми // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. – М., 1996.

Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. – М., 1998.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. – М., 1969.

Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий нации и национализма. – М., 2004.

Уолцер М. О терпимости. – М., 2000.